

Т.В.Евгеньева

АРХАИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Политическая культура современной России отличается обостренным интересом к прошлому, постоянно повторяющимися попытками с его помощью не только понять происходящее сегодня, но и смоделировать будущее развитие. Этот интерес, представляющийся необъяснимым и нелогичным авторам современных политических теорий модернизации, может быть понят и объяснен, если рассматривать его с точки зрения иной, мифологической по своей природе, логики, доминирующей в политическом сознании и поведении в условиях социокультурного кризиса, когда выходят на поверхность и начинают играть активную роль мифологические основания политической культуры, ранее скрытые под его рациональными элементами.

Социокультурный кризис ломает не только господствующую в обществе структуру рациональных (или представляющихся таковыми) ценностей и норм, но и сложившуюся в нем систему традиционных символов и стереотипов. Одновременно в массовом и индивидуальном сознании активизируются архаические элементы, складывающиеся впоследствии в новые исторические и политические мифы.

Реализация мифологических оснований свойственна каждой культуре в условиях кризисного развития. Она может проявляться в фундаменталистских ценностях и установках, направленных против нарастающих сложностей в процессе обновления жизни, усилении этносепаратистских и тоталитарных настроений, развитии нетрадиционных культов, эскапистских субкультурных сообществ, подъеме радикально-националистических движений и групп, активизации авторитарно-харизматического типа сознания.

В основе исследования процесса реализации мифологических оснований культуры и прежде всего политической культуры современного общества лежит идея о проявлении социокультурного кризиса (конфликта ценностей) в форме идентификационного кризиса личности. Кризис идентичности является результатом постепенного разрушения представлений, лежащих в основе самоидентификации личности: о собственном целомом, устойчивом «я» (утрата самоидентичности, начинающаяся нередко с исчезновения «признания» со стороны окружающих), о непрерывности своего существования во времени и пространстве ввиду исчезновения четких представлений о том и о другом (сужение пространства и времени), а также разрушения системы личностных смыслов (потеря смысла жизни).

Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение длительного времени системе социокультурных и политических мифов, определяющих представления личности как об окружающей ее природной и социальной реальности, так и своем собственном месте в ней. «Картина мира» советского человека, будучи мифологической по своей природе, тем не менее, так сказать, стабилизировала, причем достаточно успешно, его сознание и поведение.

Разрушение этой «картины мира», начатое в годы перестройки и особенно активно происходившее после 1991 г., привело к расшатыванию всей системы представлений значительной части общества¹. Ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили свое значение, а общепринятые цели деятельности оказались лишенными смысла. Разрушение самоидентификации личности в качестве «советского человека» при отсутствии адекватной компенсации лежит в основе формирования кризиса идентичности.

Реакцией личности на это состояние может стать как пассивное приспособление к ситуации, периодически сменяющееся немотивированной агрессией, направленной на окружающих или на самого себя, и приводящее в итоге к полной деградации личности, так и активные поиски новой идентичности.

В. Ядов выделяет два основных направления, по которым происходит процесс этого поиска². Первое представляет собой отчуждение от социума, ориентацию на семью, бытовые проблемы, жизнь «одним днем». Многие исследователи отмечают, что для значительной части общества основной целью деятельности стало не стремление к самовыражению, к постижению смысла, а простое выживание. В этих условиях на первое место выходят потребности личности, связанные с необходимостью это выживание обеспечить, т.е. материальные, и потребность в безопасности.

Личность, не способная (как по объективным, так и по субъективным причинам) удовлетворить указанные потребности собственными силами, активно ищет объект, на который она смогла бы переложить эту задачу. Для значительной части населения таким объектом традиционно является государство. Не случайно именно у государства, персонифицированного в образе президента или правительства, требуют выплаты зарплаты работники не только бюджетных организаций, но и акционерных обществ, труд которых должен оплачиваться из иных источников. Понимание этого противоречия приводит, например, бастующих шахтеров, не к смене объекта обращения, а к требованию национализации шахт.

Не будучи в состоянии не только контролировать, но и в ряде случаев просто понять смысл происходящих событий, личность как бы снимает с себя ответственность за их результаты. Добровольно передавая государству все свои права, она одновременно считает его ответственным даже за те проблемы, которые возникли в результате

¹ Подробнее см.: Россия на путях правопреемства: дискуссия // *Полития*. 1998. № 1. С. 59–115. Прим. ред.

² Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*. М., 1995. Т. 4. № 34. С. 164.

собственных действий личности. Типичными в этом смысле являются выступления так называемых обманутых вкладчиков.

Если государство воспринимается как неспособное обеспечить базовые потребности личности, последняя в силу объективной необходимости ищет иные структуры, появляющиеся в рамках социокультурных или территориальных общностей. При этом правовые основания существования данных структур для большинства значения не имеют. В массовом сознании складывается готовность пожертвовать правами и свободами ради безопасности и выживания. Сегодняшний герой — это не герой-спаситель, воплощенный в образе Б.Ельцина на танке, а скорее «мэр в кепке», «хозяин», способный обеспечить гарантии существования если не для «всех», то хотя бы для «нас», если не в масштабах всего государства, то по крайней мере в конкретном городе или регионе.

Описанные представления находятся ближе всего к образу криминального сообщества, ассоциирующегося в массовом сознании с контролем над определенной территорией, обеспечением ее безопасности и защитой от внешних врагов в лице государства или враждебного сообщества, а также поддержанием порядка внутри нее.

Для личности, ориентированной на выживание, нет ни образа «светлого будущего», ни образа «светлого прошлого». Время не движется ни вперед к какой-либо даже самой утопичной цели, ни назад к «золотому веку». Оно как бы остановилось и начинается и заканчивается сегодняшним днем.

Второе направление, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой полную противоположность первому. Это обращение к неким «высшим» ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме и придающим внешнюю осмысленность ежедневному существованию.

Наиболее ярким примером ценности такого типа стала «демократия», ассоциирующаяся то с «западной демократией» — особым образом жизни, выступающим в качестве идеала, к которому следует стремиться России, то с сообществом «демократов», борющихся против многочисленных врагов «демократии» (коммунистов, фашистов и т.д.), то, наконец, с символом реформ, сформировавшим первоначально в массовом сознании завышенные ожидания, но способствовавшим впоследствии еще большему разочарованию.

Можно выделить ряд уровней идентификационного кризиса, отражающих глубину общественного кризиса в целом, от усиления настроений неудовлетворенности к формированию, через пограничную ситуацию, собственно архаических структур и их мифологизации.

Прежде чем кризисные явления, нарастающие в обществе, осознаются политическими элитами, они становятся предметом непосредственного переживания, проявляясь на массовом уровне в подчас неосознаваемых людьми настроениях. Социально-психологическая природа массовых настроений состоит в том, что они возникают при

расхождении притязаний, ожиданий массового сознания с реальными возможностями их достижения. В этих условиях в обществе формируются массовые настроения, выражающиеся в ощущении неудовлетворенности существующим положением вещей.

Настроения такого рода особенно легко распространяются в обществе, лишенном четкой социальной структуры, с разрушающимися старыми и еще не сформированными новыми связями, что затрудняет личности процесс идентификации с общностью, к которой она принадлежит. В таком обществе массовые настроения становятся основным фактором, определяющим поведение людей. С.Московичи назвал это процессом «иррационализации масс». «Она проявляет себя в разгерметизации эмоциональных сил, которые в подземелье ожидают случая вырваться с вулканической силой. Эти силы, вовсе не побежденные, выжидают благоприятного момента, чтобы снова вернуть свое господство. Он (этот момент — Т.Е.) наступает, когда люди, раздраженные каким-то кризисом, собираются вместе. Тогда совесть индивидов теряет свою действенную силу и не может больше сдерживать их импульсов. Эти неосознанные эмоции — настоящие кроты в историческом пространстве, они используют его, чтобы оккупировать незанятую сферу. То, что поднимается на поверхность, не ново, оно существовало, не обнаруживая себя, в спрессованном виде, эти подспудные силы, более или менее сконцентрированные и подавленные, сформированные и готовые к вступлению в действие»³.

³ Московичи С.
Век толп. М., 1996.
С. 64.

На этом этапе главной функцией массовых настроений в обществе является, как правило, формирование и эмоциональное обоснование социально-политических действий достаточно больших общностей людей за счет объединения их в массу на основе совместных переживаний.

Нарастание кризисных явлений порождает также специфическое психологическое состояние, которое можно определить как пограничное. Оно возникает как своеобразное предчувствие кризиса и ощущается личностью как распад привычной «картины мира», куда входят представления о социально-культурной среде и о своем собственном месте в ней. «Переживания и их метафоры особенно интересны в те редкие моменты, когда жизнь многих меняется сразу и резко, потому что силы шторма переламывают ее повседневную непрерывность. Тогда у людей пропадает привычка жить»⁴. В этом описании социокультурного кризиса конца XIX — начала XX в., данного А.Эткингом, привлекает внимание последнее предложение, точно отражающее состояние человека, находящегося в пограничном состоянии.

⁴ Эткинд А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 5.

Социокультурный кризис ломает господствующую в обществе систему ценностей и мифов, не предлагая адекватной замены. На личностном уровне это приводит к потере оснований для оценки происходящих событий, проявляющейся в ощущении невозможности субъективного контроля над ними (потеря «смысла жизни»). Предметы и явления неожиданно перестают помещаться в привычные оце-

ночные рамки, причудливо меняя местами свои положительные и отрицательные стороны. Иррациональность становится символом существования, возрождается интерес к мистическим культам.

В социально-психологическом плане пограничная ситуация воспринимается личностью как распад ролевой структуры привычной социальной среды, ведущий к разрушению оснований для самоидентификации, своеобразной потере собственного «я». Отсюда особый, почти болезненный интерес каждой кризисной культуры к вопросам пола как последней опоре собственной идентичности и одновременно постоянно возрождающаяся тема бисексуальности и изменения пола, заставляющая вспомнить об архетипе «анима» К.Юнга, определяемом Е.Мелетинским как «часть души, скрывающая противоположный пол в индивиде»⁵.

Идентификационный кризис проявляется также в ощущении своеобразного «сужения» пространства и времени вплоть до эсхатологического настроения наступающего скорого конца того и другого. Не случайно в этот период в массовом сознании начинают пользоваться все большей популярностью теории, проповедующие различные варианты «конца света» (вплоть до указания конкретных дат). Предчувствие катастрофы порождает желание перенестись в иное, мифологическое время-пространство, неосознанно отождествляемое с «золотым веком». По мнению И.Следзевского, «в кризисных и катастрофических ситуациях исторический принцип движения социального мира во времени (удаление от мифологического начала мира) сменяется эсхатологическим: сжатие в одну точку мифологического пространства сменяется его расширением в направлении мира социального, миры приобретают объемность и динамику, тогда как социальное пространство-время свертывается в черную дыру (“распалась связь времен”)⁶.

Ощущение «конца времени» приобретает особую остроту в периоды, когда социокультурный кризис совпадает по времени с концом века, как это происходило в России в конце XIX и повторяется в конце XX в.

Схожесть, повторяемость реакций общественного сознания на кризис в разных обществах и в различные эпохи отмечал Л.Войтоловский, наиболее последовательный из исследователей, можно сказать, апологет масс и массовых настроений в советской психологической науке. «Сходственные общественные группы, попадая в сходственные политические условия, реагировали одинаковым образом и становились ареной сходственных психических настроений. Возьмем ли мы английскую интеллигенцию (значит и созданную ею литературу) времен Карла II, французскую — времен реставрации, немецкую — 20-х и 30-х годов, итальянскую — при австрийском владычестве, всю западно-европейскую интеллигенцию и литературу после поражений 1848 года, русскую — периода 1907–1911 годов, — мы всюду встречаем одни и те же типические черты глубокого культурного кризиса... Представление о мире получает явно упадочный характер. Искусство и литература окрашиваются в скептические и цинические цвета.

⁵ Мелетинский Е.
Поэтика мифа.
М., 1976. С. 66.

⁶ Следзевский И.
Архаический
культурный текст
как специфический
мир пространства
и времени //
Пространство и
время в архаических
и традиционных
культурах. М., 1996.
С. 20.

Мысль пугливо съеживается, и человечество объявляется обреченным на вечное ничтожество и страдания. В умах господствует страх смерти и безудержный мистицизм. Разговоры и книги наполняются отрицанием жизни и воплями о банкротстве науки⁷.

⁷ Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии. М.—Л., 1925. С. 5.

Пограничное состояние нестабильно, оно требует обязательной компенсации, без которой может наступить распад, деградация личности. Наиболее доступной формой компенсации оказывается активизация архетипических структур сознания, связанных с замещением в нем рациональных и традиционных представлений о собственной идентичности, причинах происходящих в обществе изменений, времени и пространстве, архетипическими представлениями, тяготеющими к архаической модели мира. «Архетип, — по определению К.Юнга, — есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления»⁸. Поэтому пограничная ситуация способствует активному процессу мифотворчества во всех областях культуры, включая политическую. Мифология будущего, одновременно являющегося прошлым, попытка изменить реальность, «переиграть» жизнь порождает желание радикально перестроить социокультурную и политическую реальность на основе модели, кажущейся субъективно привлекательной.

⁸ Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994. С. 110.

Своеобразная архетипическая матрица, на основе которой происходит процесс идентификации личности в кризисной ситуации, — категория «мы — они». Корни ее лежат в архаических пластах человеческой культуры: мифологизированное восприятие реальности строится здесь вокруг двух противоположных полюсов. Вариантом этой модели, включающим оценочный элемент, становится категория «свой — чужой». Б.Поршневу, подробно исследовавший место указанных категорий в истории общества, делает вывод, что «реально существующая общность, взаимосвязь индивидов ощущается каждым из них посредством либо той или иной персонификации, либо различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность “нас” к данной общности в отличие от “них”»⁹. Данная модель существует в общественном и индивидуальном сознании в латентном состоянии, не определяя в жесткой форме ориентации и поведение людей, однако в кризисных ситуациях может вытеснить более поздние рационалистические слои, заняв господствующее положение.

⁹ Поршнев Б. Социальная психология и история. М., 1979. С. 82.

Функционирование данной модели проявляется с наибольшей очевидностью в политической культуре общества. Так, в течение всей избирательной кампании по выборам президента Российской Федерации (1996 г.) в сознание избирателей настойчиво внедрялась мысль о невозможности «третьего пути» и необходимости выбора между демократическим развитием, олицетворяемым Б.Ельциным, и возвратом к прежним коммунистическим идеалам, выразителем которых стал Г.Зюганов. Результаты показали, что эта мысль нашла в массовом мифологизированном сознании благодатную почву.

Вообще в современной российской политической мифологии реальные социальные и политические проблемы нередко подменяются архаическим по своему происхождению представлением о вечной борьбе двух мифологизированных общностей («демократы» — «коммунисты», «патриоты» — «предатели», «наши» — «не наши»), где образ врага становится основным элементом, обеспечивающим сплоченность.

Восприятие мира на основе модели «мы — они» формирует представление о локальной территории, на которой проживает общность, о своего рода сакральном Космосе. На этой территории все явления и события приобретают дополнительный сакральный символический смысл. Для мифологического человека жизнь вне общности, вне территории (понятие территории может иметь не конкретное, а экзистенциальное значение) представляется невозможной, так как индивидуальное «я» не выделено и не осознано. Анализируя эту сторону архаического сознания, французский исследователь Л.Леви-Брюль отмечает, что одной из основных психологических закономерностей его функционирования является «закон партиципации», в результате действия которого возникает ощущение мистического слияния личности с группой, идентификацией с тотемом-предком или территорией ее обитания¹⁰.

В условиях социокультурного кризиса современный человек готов отказаться от собственной индивидуальности в обмен на чувство защищенности, безопасности, которое дает реальное или мифологическое слияние с группой. При этом на начальном этапе кризиса на первый план выходят наиболее очевидные этнические или этно-конфессиональные характеристики, по которым и происходит идентификация. Позже они дополняются идентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта («мы»), мистического единства общности с территорией, своеобразного аналога русской общины-мира. Массовое сознание как бы возвращается в состояние, когда, по определению С.Лурье, «крестьянин осознавал себя членом русского общества не как индивид, а как член конкретной общины, конкретного «мира»¹¹, а «само государство, с этой точки зрения, понималось как система, объединяющая многочисленные «миры»¹². «Мир», постепенно присваивающий себе все больше атрибутов государственности, начинает активно отстаивать свои специфические права, в противовес мифологизированному образу «центра», стремящегося эти права отобрать. Обоснованием этих особых претензий нередко становятся ссылки на те или иные периоды истории, в которые данный регион играл значимую роль, например, более древнее происхождение регионального центра по сравнению со столицей. В качестве доказательства актуальности этой формы идентификации можно привести результаты значительного числа выборов руководителей региональных администраций, где основным мотивом поддержки кандидата становились не политическая ориентация, а происхождение последнего. В этой ситуации кандидат,

¹⁰ См. Леви-Брюль Л. *Первобытное сознание*. М., 1930.

¹¹ Лурье С. *Метаморфозы традиционного сознания*. СПб., 1994. С. 126.

¹² Там же. С. 127.

воспринимавшийся массовым сознанием как ставленник «центра», оказывался в заведомо проигрышной ситуации.

Для архаического сознания характерно противопоставление «своей» территории и неизвестного неопределенного пространства, которое ее окружает. Чужая, «не наша» территория пребывает в состоянии хаоса, ее соседство вызывает ощущение опасности, грозящей разрушить целостность нашего Мира. Для большинства мифологических сюжетов характерно отождествление сил, негативно воздействующих на Мир, созданный богами, с врагами богов, демонами.

«Длительные, по видимости нормальные отношения между этническими группами, — отмечает А.Ахиезер, — мгновенно разрушаются в моменты кризисов любого типа, так как может оказаться, что в соответствующей культуре разрешение конфликта видится именно на пути избиения, изгнания иной этнической группы. Происходит казалось бы невероятный возврат к отнесенным, исчезнувшим программам архаических пластов культуры»¹³.

Идентифицирующую роль образа врага в политической мифологии отмечал Г.Маркузе: «Свободные институты состязаются с авторитарными, стремясь превратить образ Врага в могучую силу внутри Системы. Эта смертоносная сила стимулирует рост и инициативу... посредством превращения общества в целом в обороняющееся общество. Ибо Враг существует постоянно... Он равно угрожает нам во время войны, так и в мирное время... он таким образом встраивается в Систему как связующая ее сила»¹⁴.

Категория «мы» является не только первичной формой самоидентификации личности, но и простейшим способом организации пространства и времени.

Временные представления архаического сознания характеризуются разделением на сакральное мифологизированное время, располагающееся в прошлом и периодически воссоздающееся посредством ритуала, и профанное время, начинающееся и заканчивающееся сегодняшним днем. История подразделяется на два неравноценных периода: предыстория, мифологическое время, отдельные элементы которого служат для объяснения происходящего в настоящем, и собственно история, начинающаяся, как правило, здесь и сейчас. А историческое развитие воспринимается как движение не в будущее, а в прошлое, к тому мистическому периоду, где заложены основы настоящего.

М.Элиаде, подробно исследовавший модели пространства и времени, характерные для мифологического сознания, утверждает, что «через все поколения проходит красной нитью сопротивление конкретному историческому времени и стремление периодически возвращаться к мифологическому Первоначалу, к «Великому времени»»¹⁵.

В мифологическом восприятии прошлое продолжает жить в настоящем, постоянно находится как бы внутри него. Оно предстает гораздо более живым и привлекательным, чем настоящее. Культурные герои прошлого продолжают определять настоящее, а события про-

¹³ Ахиезер А. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 118.

¹⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1995. С. 133.

¹⁵ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 127.

шлого заново воспроизводятся в настоящем посредством специальных ритуалов. По мнению М.Элиаде, с помощью ритуала общность пытается воссоздать сакральное мифологическое время.

Этим объясняется кажущееся необъяснимым на рациональном уровне слишком эмоциональное отношение сознания к историческим событиям далекого прошлого, усиливающееся в условиях кризиса. Такое отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 90-х годов, посвященных очередной годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Казалось, участники митингов воспринимали эту историческую трагедию, как происходящую здесь и сейчас. В мифологизированном прошлом лежат основные мотивировки деятельности партий и движений национал-патриотической ориентации («Великая» Россия, Украина, Булгария и т.д.).

В условиях идентификационного кризиса история становится тем экзистенциальным пространством, в котором личность заново находит свою идентичность, смысл существования, основу для объединения с общностью. При этом в качестве основания для создания исторической мифологии могут быть избраны реальные события, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на развитие общности. Американский исследователь в области этнической психологии В.Волкан определяет их как «избранная общая травма» и «избранная общая слава»¹⁶.

При этом ближайшая история ассоциируется, как правило, с действиями сил зла, как бы извратившими изначально «правильное» направление развития, что и привело к кризису, а «настоящая» история переносится все дальше в прошлое. Так, в начале перестройки «настоящая» история ассоциировалась с ленинским периодом, а врагом был И.Сталин, позже «настоящая» история переместилась в дореволюционный период, а роль врагов играли уже большевики. С точки зрения противоположной мифологии «настоящая» история, наоборот, заканчивается со смертью И.Сталина, а главным врагом становится М.Горбачев.

«В мифологическом сознании понятие времени — нелинейное, цикличное обратимое, вектор которого повернут в прошлое»¹⁷. Нерасчлененность прошлого и настоящего в мифологическом сознании рождает веру в возможность в очередной раз начать жить сначала, в частности, вернуться в любой представляющийся субъективно привлекательным отрезок истории. «Великое время» М.Элиаде в российской культуре существует в постоянно возрождающемся образе «золотого века».

Место этого образа в культуре конца прошлого столетия является одной из центральных проблем в книге А.Эткинда, содержащей социально-психологический анализ культуры Серебряного века¹⁸. Тема особой роли последней в развитии российской культуры стала популярной в конце 80-х — начале 90-х годов нашего века. Опираясь на миф о «золотом веке», различные политические партии и движения в зависимости от своей ориентации предлагают варианты возврата в тот или иной период нашего мифологизированного прошлого.

* Волкан В.,
Обаленский А.
Национальные
темы глазами
аналитика с
политическим
ментарием //
Общественные
и современ-
ность. 1992. № 6.
С. 41–42.

* Эткинд А. Время
пространство в
культурных
африкан-
культуры // Про-
и время
древних и
традиционных
М., 1996.
С. 43.

* Эткинд А.
Указ. соч.

Ориентация на прошлое и отсутствие четких представлений о будущем, свойственные мифологическому сознанию, вынуждают его подменять описание цели описанием средств ее достижения, что позволяет не выходить за рамки постоянно длящегося «сегодня». Так, произошла своеобразная мифологизация понятия «реформа» в современной России. Описывается не цель реформ, а проблема преодоления препятствий на пути к ней. На уровне массового сознания концентрация на сегодняшнем дне, своеобразное продление «сегодня» выполняет психологическую функцию компенсации страха и неуверенности, вызванных ощущением «конца времени».

Такое явление массового мифологического сознания как персонализация причинности также связано с моделью «мы — они». Все происходящие события рассматриваются в нем как проявления чьей-то доброй или злой воли. По мнению К.Юнга, «первобытный человек исходит из следующей предпосылки: причиной всего является невидимая произвольная сила», именно поэтому «люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов»¹⁹.

¹⁹ Юнг К.
Психология... С. 111.

Все благоприятные события связаны в мифологии с волей Бога или его воплощением в лице Вождя, Героя, напротив, все враждебное, негативное есть результат действий таинственного врага. Отсюда мифологизация вождя, который становится центром, организующим общность, и приобретает сакральные функции. Вождь наделен особой, недоступной простому человеку связью с прошлым, с его героями, являясь как бы мистическим их воплощением. От них он черпает свои сверхъестественные возможности влияния на историю. Не случайно каждое время ищет и находит в истории собственных культурных героев, играющих роль своеобразных тотемов, покровителей сегодняшних политических вождей. Действия, воспринимающиеся как враждебные по отношению к тотему, вызывают гораздо более сильную эмоциональную реакцию, чем подобные же действия, направленные против любого реального участника общности. Уничтожение тотема — это конец, разрушение всей общности. Именно так воспринимались значительной частью общества предложения о захоронении тела В.Ленина. Аргументы, связанные с историко-культурной или научной значимостью его сохранения, являются в большинстве своем лишь неосознанной рационализацией страхов, заложенных в массовом сознании.

В процессе всей истории развития человеческого сообщества, особенно в кризисные периоды, мифологические основания политической культуры рождали потребность в идентификации с вождем в качестве одного из главных условий самоидентификации личности. Живой или умерший вождь постепенно теряет в массовом сознании свойства живого человека и приобретает символические характеристики. Для их понимания достаточно сравнить содержание мифологизированных биографий современных политических лидеров, претендующих на роль вождей разного уровня, в которых конкретные события личной жизни приобретают символический смысл. Анализируя эти сочинения и сопо-

ставляя основные элементы биографий, можно увидеть степень мифологизации образа того или иного политического лидера.

Враг, так же, как и герой, индивидуализируется и приобретает символический смысл, поскольку через него в Мир приходит все враждебное и злое. Враждебные силы имеют человеческий облик, однако это лишь маска, скрывающая оборотня (отсюда популярный в политической мифологии образ вражеского агента, агента влияния и т.д.). Тайными кознями врагов можно объяснить и оправдать любые просчеты и неудачи, несоответствие результатов поставленным целям. Российский историк А.Клибанов определяет это явление как «стремление решать сложные вопросы, редуцируя и упрощая их до плоской древней идеи, что в любой проблеме есть злобный виновник, который является не чем иным, как персонификацией мирового зла»²⁰. Тайнственные силы зла — причина всего плохого и неприятного в нашей сегодняшней действительности. В зависимости от того, как идентифицировала себя данная культурная или политическая общность, на роль врага в последние годы предлагались и евреи в мифологизированном варианте («жидо-масоны»), и окопавшиеся в новых демократических структурах коммунисты, и «продавшиеся Западу» демократы, пресловутые «агенты влияния», и конкретные личности, наделяемые особым, тайным влиянием на президента (от Г.Бурбулиса до А.Коржакова и А.Чубайса).

Если образ героя ассоциируется с понятием «чудо», то образу врага соответствует в политической мифологии понятие «заговор». При этом как бы подразумевается, что за тем и другим стоят некие сверхъестественные силы добра и зла, а конкретная личность это лишь представитель (пророк или тайный агент) этих безличных сил. Отсюда следует сделать вывод, что обычный человек не только не может, но и не должен пытаться познать и тем более оценить замысел высших сил, ему предлагается лишь верить в то, что замысел этот (по крайней мере, если он исходит от сил добра) учитывает все его интересы и ожидания.

Выдвижение представления «мы — они» в качестве основы модели мира становится актуальным для современного человека в кризисные моменты развития общества. Эта модель приобретает законченную форму после формирования особой системы символов и ритуалов, с помощью которых происходит самоидентификация мифологических общностей, символизация сознания и ритуализация поведения, достигается эмоционально-психологическое слияние личности с группой. Роль символов и ритуалов в процессе идентификации культурных и политических общностей подробно исследована в психологической науке, начиная с работ Г.Лебона и З.Фрейда²¹. При этом представление «мы — они» служит одновременно основой для формирования и способом существования и усиления устойчивых социокультурных и политических мифов, характерных как для отдельной политической общности, так и для общества в целом. Известный представитель психоаналитического направления в психологии

²⁰ Клибанов А.
Народная
социальная утопия
в России. М., 1977.
С. 85.

²¹ Лебон Г.
Психология масс //
Психология народов
и масс. М., 1995;
Фрейд З.
Коллективная
психология и анализ
Я // «Я» и «Оно».
Труды разных лет.
Тб., 1991. Кн. 1.

Э.Эриксон, исследуя молодежные субкультуры, подчеркивал значение особых ритуалов, символов, норм поведения, одновременно под-
держивающих целостность группы и отделяющих ее от других²². По-
хожие выводы, опирающиеся на анализ городских субкультур в
России, были сделаны в работах Т.Щепанской²³.

²² Эриксон Э.
Идентичность:
юность и кризис.
М., 1996.

²³ Щепанская Т.
Символика
молодежной
субкультуры.
СПб., 1993.

Примером общности, идентифицирующей через систему сим-
волов и ритуалов, является толпа, скандирующая очередной полити-
ческий лозунг. Она необходима не только для оправдания акций поли-
тической власти или для воздействия на нее со стороны оппозиции.
Толпа эта представляет ценность (по крайней мере в мифологической
системе ценностей) сама по себе, как главное условие, при котором за
счет действия психологических механизмов массового внушения,
подражания и эмоционального заражения личность окончательно тер-
яет свои индивидуальные свойства и сливается с мифологической
общностью, с «нами». «Основной характерной чертой толп является
слияние индивидов в единые разум и чувство, которые затушевывают
личностные различия и снижают интеллектуальные способности, —
заключает С.Московичи, анализируя работы Г.Лебона. — Каждый
стремится походить на ближнего, с которым он общается. Это скопле-
ние своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит
гальку. При этом все равно, каков бы ни был социальный класс, обра-
зование и культура участвующих»²⁴. Ритуал помогает его участникам
освободиться от страха как перед мистическим врагом, так и перед
неизведанным, не поддающимся восприятию будущим.

²⁴ Московичи С.
Указ. соч. С. 108.

Повсеместное строительство многочисленных памятников-идо-
лов — столь же необходимый элемент мифологического сознания, как
и последующее их торжественное разрушение. Из глубин мифологи-
ческого сознания происходит и господство «магии имени», эта не до
конца осознанная вера в то, что изменение названия города, района
или улицы (так называемое возвращение исторических названий) смо-
жет изменить к лучшему жизнь их обитателей. Разрушение символов
прошлого создает иллюзию «управления временем», являющегося в
мифологическом сознании одним из признаков власти. Новая полити-
ческая власть символически уничтожает старую, новый политический
миф уничтожает материальных носителей старой мифологии²⁵.

²⁵ См. об этом:
Бочаров В. Власть
и время в культуре
общества // Прост-
ранство и время в
архаических и тра-
диционных культу-
рах. М., 1996.
С. 154–171.

При этом борьба ведется не только, а возможно даже не столько
с реальными, но и с давно умершими «врагами», являющимися сим-
волами иной, враждебной «нам» мифологии.

Конфликтный потенциал мифологического сознания усиливает-
ся за счет специфического отношения к моральным нормам и предпи-
саниям, которые рассматриваются как «действующие только в рамках
нашего реального или экзистенциального пространства». В борьбе с
врагами, населяющими чужое пространство, морально оправданы
любые методы борьбы, в том числе, нарушающие как божьи, так и че-
ловеческие законы. Вполне актуальным представляется сегодня вы-
вод, сделанный К.Юнгом в середине 30-х годов: «Человека сегодняш-

него дня... поскольку он приспособлен к своей среде... не смутит никакая подлость со стороны его группы — тем более, что большинство его сотоварищей свято верит в высочайшую справедливость своей социальной организации»²⁶.

²⁶ Юнг К.
О современных мифах. М., 1994.
С. 237.

Модель «мы — они» есть устойчивый элемент познания окружающей природной и социальной действительности, присутствующий в каждой культуре, в том числе и политической. Что касается России, то здесь всегда преобладал тип культуры, характеризующийся жестким противостоянием, постоянной борьбой двух начал — добра и зла — как на уровне отдельной личности, так и общества в целом. По мнению российского культуролога А.Ахиезера, «в основу анализа самобытности страны должен быть положен раскол, он пронизывает культуру, социальные отношения, воспроизводственную деятельность. Он в фокусе всей жизнедеятельности, предмет борьбы и одновременно элемент среды, к которому следует приспособиться и который накладывает на общество оттенок уникальности»²⁷.

²⁷ См.: Ахиезер А.
Россия: критика исторического опыта. М., 1991.
Т. 1–2.

В массовом сознании это противостояние дополняется верой в существование абсолютной Правды, представлением о том, «что предельно совершенное состояние является изначальным непреходящим состоянием человеческого рода на земле, не химерой, не воображением, а реальным достоянием, насильственно отчужденным, однако подлежащим возврату по законной принадлежности»²⁸. На основании этого представления строится оценка происходящих событий.

²⁸ Клибанов А.
Указ. соч. С. 108.

В России идея Правды издавна ассоциируется с понятием «народ», воспринимаемым не как совокупность отдельных личностей и групп, а в качестве своеобразной мифологической общности, обладающей правом на абсолютную истину. Это же право присваивали себе политические партии и организации, выступавшие от имени народа, из чего следовало, что все несогласные с их позицией автоматически становились врагами народа, носителями Кривды, т.е. частью тех самых «они», по отношению к которым были оправданы любые методы борьбы. По словам К.Юнга, «коммунистический мир имеет один великий миф... Это — свято почитаемое архетипическое видение Золотого Века (или Рая), где в изобилии имеется все для каждого, и где всем человеческим детским садом правит великий, справедливый и мудрый вождь»²⁹.

²⁹ Юнг К.
Архетип и символ.
М., 1991. С. 78.

С представлением о существовании абсолютной Правды связан мессианиззм российской политической культуры («зная истину, необходимо поделиться ею с другими, а если они не захотят нас слушать, навяжем им нашу истину насильно, так как они просто не понимают своего счастья»), а также такое специфическое явление отечественной православной культуры как соборность. Не претендуя на полное философское осмысление этого сложного и многогранного понятия, можно выделить в нем аспект, непосредственно связанный с темой исследования. Соборность как мистическое единство противостоит понятию демократии, так как в ней невозможно существование иного мнения, позиции меньшинства. Любой выпадающий

из общности автоматически становится носителем ложных идей, частью враждебных «они».

Процесс мифологизации массового сознания и поведения в условиях нынешнего социально-политического и социокультурного кризиса может быть представлен в виде нескольких направлений, каждое из которых содержит в себе потенциальную основу будущих политических мифов. Соотношение этих направлений в массовом политическом поведении определяется как историко-культурным характером социальной среды, так и степенью внедрения в массовое сознание мифологических представлений.

Одно из них связано с потерей личностью собственной идентичности, что мотивирует поиск новых форм и способов идентификации с культурной и социальной средой. Для кризисной ситуации характерна специфическая форма самоидентификации личности через экзистенциальное слияние с группой, ее символами, мифами (воспринимаемыми как наконец найденная Правда), территорией (воспринимаемой как сакральный Космос), мифологизированными представлениями о времени и развитии общества (воспринимаемыми как подлинная История). Каждая из сегодняшних политико-мифологически общностей создает свою мифологию и поддерживает ее с помощью собственной системы символов и ритуалов.

Активизация мифологических оснований политической культуры связана также с персонификацией представлений о причинах происходящих в обществе событий. Объяснения этих причин даются с помощью образов «добра — зла», «правды — кривды», «героя — врага», так как мифологическая логика не признает возможности существования безличной, объективной, случайной причины события или явления, ставя на ее место реальную или мифологическую личность или группу. При этом современный политический процесс представляется своеобразным мистическим отражением прошлых событий, заставляя постоянно искать исторические аналогии, символические указания на будущее развитие.

Мифологизация политической культуры в кризисной ситуации приводит к активизации мифологических представлений о времени и пространстве. Большинство моделей социально-политического и экономического развития общества, предлагаемых различными политическими силами, строятся по принципу переноса времени (возврата в тот или иной период прошлого) или пространства (привнесения в Россию той или иной, как правило, западной модели развития).

Как пограничная ситуация, так и следующая за ней реализация мифологических оснований политической культуры не может быть до конца осознана и проанализирована в рамках структурно-функционального подхода. Наиболее продуктивным для понимания истории современной России представляется культурно-психологический подход, в рамках которого события и явления современной российской политической культуры следует рассматривать как своеобразную актуа-

лизацию мифологических символов и стереотипов, свойственных древним, архаическим пластам ее культуры.

Наиболее близким к указанному подходу является концепция А.Лосева. В этой концепции миф понимается как специфическая внеисторическая, интуитивная форма познания окружающей природной (космологические мифы) и социальной (социальные мифы) реальности, а также места в ней самого познающего субъекта, в основе которой лежит нерасчлененность субъекта и объекта познания (личность познает себя через идентификацию с общностью, пространство воспринимается как «наше» или «не наше», прошлое — как необходимый элемент настоящего и т.д.). Миф в качестве формы познания не требует дополнительных доказательств истинности содержащейся в нем системы образов и представлений, так как сам по себе является их обоснованием. Этим объясняется активизация мифа в периоды социокультурных кризисов. Не случайно в работе «Диалектика мифа» А.Лосев подчеркивал, что миф — «не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность»³⁰.

³⁰ Лосев А. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 27.

Миф, включающий в себя элементы познания и обоснования социальной реальности (этнические, конфессиональные, социокультурные, субкультурные, а также собственно социальные мифы), может стать политическим в том случае, если с его помощью обосновывается существование определенной политической системы (режима), либо претензии определенной личности или группы на особую роль в системе политических отношений (в том числе претензии на власть). С этой точки зрения политический миф становится специфической формой социального мифа, в отличие от архаического мифа, включающего элемент целенаправленного идеологического производства. При этом в современном политическом мифе сохраняется значительный элемент архаики.

Исследованные в данной статье направления мифологизации политической культуры лишь намечают возможности мифологического сознания как базы для формирования политических мифов. Для возникновения мифа, кроме объективных мифологических оснований, необходима целенаправленная деятельность идеологизированных групп, состоящих, как правило, из представителей интеллигенции, которые посвящают себя активному формированию и распространению конкретных политических мифов, выступая при этом от имени мистического «народа». Деятельность этих групп, возможно не всегда осознаваемая всеми их представителями, активизирует процесс мифологизации политической культуры, поляризации ее на основе модели «мы — они», наполняет конкретным содержанием понятия «свой — чужой», «добро — зло», «герой — враг», мотивирует конкретное политическое поведение.